

DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.8

EDN: WMIKMX

Т. УОЛТЕР¹, Т. БЕЙЛИ¹

¹ University of Bath.
Claverton Down, BA2 7AY, UK.

КАК ПОХОРОНЫ ВОПЛОЩАЮТ ПОНИМАНИЕ СЕМЬИ: ДАННЫЕ МАССОВОГО НАБЛЮДЕНИЯ¹

Аннотация. Авторы статьи анализируют, как потенциально конфликтные фреймы горя и семьи проявляются в ряде английских похорон. Данные взяты из Директивы массового наблюдения «Посещение похорон» (Mass-Observation directive “Going to Funerals”) 2010 г., в котором группу корреспондентов попросили написать о последних похоронах, где они присутствовали. В их текстах горе демонстрируется через общепринятое понимание семьи. Опираясь на Рэндалла Коллинза, мы показываем, как похороны делят скорбящих на семью и не семью, и как само это деление осуществляется через внешние проявления и внутренние переживания. Описания похорон оказались связанными скорее с весьма традиционным представлением о семье, нежели с горем. Семья в описаниях превалировала по сравнению с горем или, по крайней мере, обеспечивала фрейм, посредством которого можно было описать горе. Способы восприятия семьи вызывали эмоции, которые, в свою очередь, определяли семью. Похороны описываются как определенная — преимущественно семейная — сфера, находящаяся над текучими и варьирующими личными привязанностями. Они рассматриваются как в терминах социологии личной жизни, так и с помощью понятия бесправного (*disenfranchised*) горя.

Ключевые слова: похороны; семья; скорбь; массовое наблюдение; переживание.

---

¹ Сокращенный перевод с английского языка выполнен А.А. Зайцевой и У.А. Ивановой (РГГУ) по работе: *Walter T., Bailey T. How Funerals accomplish Family: Findings from a Mass-Observation Study // OMEGA. Journal of Death and Dying. 2020. Vol. 82. No. 2. P. 175–195. DOI: 10.1177/0030222818804646* Вариант сокращения предложен Т. Уолтером.

Уолтер Тони (Walter Tony) — социолог, исследующий различные аспекты смерти в современных обществах, профессор эмеритус Университета Бата. Его последние книги: «Что означает смерть сейчас» (*What Death means now*, Policy Press, 2017); «Социальная смерть» (*Social Death*, ed. with Jana Králová, Routledge, 2016); «Смерть в современном мире» (*Death in the Modern World*, Sage, 2020).

Бейли Тара (Bailey Tara) — директор похоронного бюро на протяжении нескольких лет до защиты докторской диссертации в Университете Бата. В настоящее время — буддистская монахиня.

Для цитирования: Уолтер Т., Бейли Т. Как похороны воплощают понимание семьи: данные массового наблюдения / Пер. с англ. А.А. Зайцевой, У.А. Ивановой // Социологический журнал. 2023. Том 29. № 1. С. 141–160. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.8 EDN: WMIKMX

Введение

Современные англоязычные общества определяют горе через уникальную личную связь с умершим. При этом ожидается, что люди будут оплакивать одних членов семьи больше, чем других, либо больше, чем друзей, соседей или коллег. Только на похоронах все соответствующие участники, вероятно, окажутся физически в одном и том же месте, поэтому похороны представляют собой важную область для исследования этой амбивалентности. Агенты ритуальных услуг часто утверждают, что похороны — это повод выразить горе и разделить скорбь. При этом само мероприятие обычно контролируется близкими родственниками, которые готовятся к этому дню, независимо от чувств к покойному или их отсутствия. Организатор похорон заключает договор только с одним человеком в качестве клиента, который обычно является близким членом семьи умершего. Критики американских похорон середины XX в. порицали то, что похороны стали показной демонстрацией статуса семьи [4]. Более поздние критики также замечали, что похороны могут лишать «права на скорбь» человека вне семьи [12]. Единичные наблюдения английских скорбящих и специалистов по похоронам, а также более систематические наблюдения исследователей [19; 29] показывают, что близкие родственники всегда сидят в первом ряду. Таким образом, есть основания полагать, что британские и американские похороны могут быть связаны в равной мере с семьей и с личными чувствами.

Любопытно, что эта тематика не находилась в фокусе внимания исследователей после полемической критики Л. Боумана [4] расходов на американские похороны как показателя демонстрируемого семейного статуса. Недавние британские социологические исследования рассматривали то, как семьи определяют похороны [28], но не то, как похороны воплощают понимание семьи; иными словами, современные исследования похорон не проблематизируют понятие семьи. В обсуждении горя, семейных ролей и похорон А.Р. Хокшильд [26] анализирует внутреннюю работу, которую необходимо проделать, когда личное переживаемое горе не соответствует культурным ожиданиям. Она предполагает, что похороны должны помочь человеку выразить свое горе. Наши данные подвергают сомнению это допущение. Они заметно контрастируют с антропологическими данными, описывающими ритуалы во время или после похорон в Восточной Азии. В исследованиях ученые часто рассматривают эти ритуалы, как исходящие скорее из почитания предков, а не из христианского упования, легити-

мирующего и поддерживающего семейные структуры [2]. Восточные похороны, конечно, могут в большей степени касаться переживаемого горя, чем это показано в исследованиях. Но встает вопрос: не могут ли западные похороны в большей степени затрагивать семью, чем это отражают исследования? Соответственно, представленное в этой статье исследование того, как похороны определяют семью, можно считать инновационным.

Теоретические подходы

Ритуал

Главным содержанием знаменитого аргумента Э. Дюркгейма [14], что религия функционирует, чтобы символизировать и подтверждать существование (*affirm*) группы, был его анализ ритуалов похорон аборигенов. Это вызывает вопросы к анализу современных похорон: если похоронные обряды по-прежнему подтверждают существование группы, которая потеряла одного из своих членов, то является ли эта группа семьей (и если это так, то что такое семья?), или это объединение различных групп (коллег, кругов общения, соседских сообществ и т. д.), к которым принадлежал покойный и где о нем заботились, его уважали, любили или не любили? По мнению Э. Дюркгейма [14], ритуалы, не в последнюю очередь траурные, символизировать очертание группы в исследованиях простых аборигенных обществ, связанных воедино посредством недифференцированной «механической» солидарности. В более крупных и сложных обществах, характеризующихся тем, что Э. Дюркгейм [14] назвал «органической» солидарностью, по мнению Р. Коллинза [10], ритуал может выполнять функцию отделения одной группы от другой, инсайдеров от аутсайдеров. Тогда с большей вероятностью похороны могут обладать функцией разделения различных групп скорбящих, например, на семью и не семью. Такой подход формулирует главный вопрос нашего анализа.

«Новая» социология семьи

Что же такое семья? С одной стороны, семья остается социальным институтом с традиционными семейными структурами, прочно укоренившимися в социальной политике (*policy*), законодательстве и политической жизни (*politics*), независимо от того, как люди живут на самом деле [16]. С другой стороны, «новая» социология семьи рассматривает семью не с точки зрения структурированного родства, но как нечто, конструируемое на основе уникальных практик каждой семьи, отражающих разнообразные формы ее создания (*doing family*). Подход Д. Моргана [31] к «созданию» семьи через «семейные практики» предполагает, что семьи строятся скорее на основе повседневных практик, чем на структуре генеалогических отношений. Семья — это то, что она делает (*family is what family does*). Понятие «демонстрация

семьи», предлагаемое Д. Финч, — то, как индивиды и группы обозначают семью другим — предоставляет оптику, сквозь которую можно исследовать семьи на похоронах. Демонстрация семьи осуществляется «в первую очередь через прямое социальное взаимодействие с теми, с кем человек устанавливает семейные отношения» [17, с. 74], затем другие подкрепляют (или же оспаривают) эту «семейность». В число этих «других» входят иные члены семьи, друзья, коллеги, работодатели, государственные учреждения, которые обладают более или менее формальными средствами для одобрения семейных отношений.

Подход К. Смарта к «личной жизни» [39] рассматривает семью через более широкую понятийную рамку, охватывающую разнообразный спектр отношений, и следует подходу антрополога Д. Карстен [7], которая понимает родство не как структуру, а как согласованную (*negotiated*) родственность: родство постоянно создается и воссоздается в повседневном взаимодействии. Это акцентирование на личном значении отношений независимо от традиционных представлений о семье хорошо согласуется с концепцией танатологической философии «бесправного горя» (*disenfranchised grief*) [12], согласно которой глубокое чувство горя может ощущаться по отношению к любому, с кем человек чувствует тесную связь, независимо от официальных семейных отношений². Понятие «бесправное горе» широко используется практикующими врачами в США, которые утверждают, что любое горе имеет право быть «высвобожденным» (“*enfranchised*”), восприниматься всерьез и что личное горе человека не может быть выведено из его/ее официальных отношений с умершим.

То, как это проявляется на похоронах, может быть объяснено понятиями социальных правил выражения чувств и норм их демонстрации, которые были предложены американским социологом А. Хокшильд. Являются ли похороны поводом для выражения, переживания и демонстрации прежде всего скорби или же выражения, переживания и демонстрации самой семьи? Как должны себя вести и чувствовать посетители похорон? В терминологии А. Хокшильд [26], какие в этот момент работают правила чувств и их демонстрации? В частности, как демонстрируются семья и чувства? Что это говорит о том, как семья и горе реализуются и демонстрируются в современных обществах [17; 31]? С помощью анализа эмпирических данных о некоторых английских похоронах начала XXI в. в этой статье продолжается разговор о до сих пор недостаточно развитой коммуникации между

---

² Концепция бесправного горя является социологической, то есть она признает, что люди, потерявшие кого-то, подчиняются социальным нормам, но также является и асоциальной в том смысле, что ее идеал — индивидуалистическая утопия, в рамках которой каждый опыт переживания горя является освобождающим посредством устранения социальных норм [36].

социологией эмоций, в частности социологией горя, и социологией семьи.

Методы

Проект массового наблюдения (Mass-Observation Project³, далее — М-О) особенно хорошо подходит для получения разнообразных качественных данных о том, как люди переживают публичные мероприятия. М-О — это долгосрочный, крупномасштабный, качественный проект, проводимый и архивируемый Университетом Сассекса, в котором корреспонденты (участники проекта) отвечают на «директивы», высылаемые им три раза в год. Это открытые анкеты по «темам, которые охватывают как личные вопросы, так и более широкие политические и социальные вопросы и события». Наши данные взяты из заказанной нами «директивы» М-О 2010 г. «Посещение похорон», в которой корреспондентам было предложено написать о последних похоронах, где они присутствовали, скорее всего, не являясь их организаторами.

Эта формулировка призвана охватить широкий круг скорбящих, как близко, так и отдаленно связанных с умершим, включая семью, друзей, соседей, коллег, членов клубов и ассоциаций, медсестер, полицейских и т. д. В частности, она охватывает то, что пишут все присутствующие, а не только близкие члены семьи, о формировании (“*doing*”) эмоций и семьи. Предыдущие социологические исследования похорон были сосредоточены на агентах ритуальных услуг [8; 29; 34] или на очень близких родственниках [28; 40], в то время как мы хотели получить доступ ко всем участникам похорон. Формулировка вопросов о последних похоронах гарантирует, что корреспонденты не выберут особенно запомнившиеся, хорошие или ужасные похороны. Нашей целью были обычные скорбящие, описывающие обычные похороны.

Чтобы выявить особенно яркие мнения о похоронах, мы задали дополнительный вопрос о лучших и худших похоронах, на которых корреспонденты присутствовали, и о том, решали ли они когда-либо не идти на похороны, и почему.

Среди около 500 корреспондентов М-О больше женщин, чем мужчин; больше представителей среднего и низшего классов, чем рабочего класса, и лишь некоторые являются представителями этнических меньшинств. В целом представлены (но неравномерно) корреспонденты со всей Британии [38]. В итоге среди корреспондентов диспропорционально больше белых женщин среднего класса старше 50 лет, живущих в юго-восточной части Англии, которым нравится писать. На рассылку анкеты о похоронах откликнулся в общей слож-

---

³ См.: Mass-Observation. Recording everydaylife in Britain // The Mass Observation Archive 2011. — URL: <http://www.massobs.org.uk/> (дата обращения 31.01.2023).

ности 241 корреспондент, что является нормальным показателем доли ответивших в М-О.

Большинство похорон, описания которых были получены, состоялись в течение предшествующих двух-четырех лет. Лишь некоторые корреспонденты описывали похороны, прошедшие недавно. Все похороны, за исключением двух языческих, были христианскими или нерелигиозными, то есть гражданскими (*humanist*). Ответы различались по объему: в некоторых содержался лишь короткий абзац, в большинстве — текст от двух до шести страниц, иногда ответы были более развернутые.

Из 241 ответа 161 был написан от руки или напечатан на бумаге, а 80 получены в электронном виде. После исключения ряда ответов по разным основаниям основу нашего индуктивного тематического анализа [5] составили 173 документа (122 женских, 49 мужских и 2 без указания пола). Коды архива М-О (при цитировании корреспондентов) указаны для того, чтобы другие исследователи могли проконтролировать наши данные и интерпретации.

Английские похороны

Поскольку похоронные обряды, практики и обычаи значительно варьируются в западных сообществах и внутри каждого из них [44], прежде чем перейти к полученным результатам, необходимо кратко рассказать об английских похоронах. Описанные корреспондентами преимущественно христианские и гражданские похороны отличаются от похорон религиозных меньшинств в Англии и от похорон в других странах. Около 75% английских похорон — кремация, а примерно 25% — захоронения, причем эта цифра маскирует региональные, городские или сельские различия. Главный английский ритуал состоит в следующем: в случае кремации — служба или церемония в часовне либо в зале, который есть в каждом британском крематории; в случае погребения — служба в церкви или часовне, после которой часто не все скорбящие идут к могиле. В 2010 г. большинство похорон были проведены под руководством служителя церкви. Однако все больше похорон сейчас проводится священнослужителем независимой или любой другой религиозной организации. Сразу же после кремации или захоронения обычно проводится социальное мероприятие, называемое здесь похоронным чаепитием, в пабе, гостинице, общественном центре, частном доме или в другом месте.

Скорбящие обычно выбирают, посещать ли основную службу в церкви или крематории, если посещать — что надеть, где сесть и пойти ли потом на чаепитие, а также отправить цветы или сделать пожертвование. Принятые в Англии социальные нормы предоставляют значительную свободу в этом выборе, и это отражено в ответах М-О. В статье акцентируем внимание на посещении самих похорон, чаепи-

тия и на демонстрации эмоций. Затем — на том, как в своих описаниях этих аспектов корреспонденты «формируют» (“do”) семью и эмоции. Сначала рассмотрим семью, затем — эмоции.

Результаты

Демонстрация (displaying) семьи

Хотя в «директиве» не спрашивалось конкретно о семье, удивительно, как часто понятие «семья» фигурирует в описаниях корреспондентов. Многие из них идентифицируют себя через (не)принадлежность к семье умершего. Согласно их ответам, похороны определяются — и в значительной степени *должны* определяться — общепринятыми, а не расплывчатыми представлениями о семье или дружбе.

Посещение похорон. Один из важных способов, которыми люди демонстрируют семью покойного, — присутствие на похоронах. В большинстве своем поход на «семейные похороны» — это «создание» (“doing”) семьи [30]. Это не означает, что такое «создание» семьи является беспроблемным, поскольку близкие члены семьи могут чувствовать себя вынужденными присутствовать, не желая этого.

Когда мой муж вышел из крематория, он сказал, что не пошел бы, если бы это сошло ему с рук. Он пошел только ради его матери... Сказать, что вы на самом деле ненавидите, а не просто не любите своего собственного отца, — это такой огромный шаг, но именно так он и некоторые из его братьев относились к нему. (M2486, женщина, 58 лет)

Посещать похороны или нет — возможная дилемма для членов семьи, которые не любили покойного или не чувствовали себя близкими к нему. Как отмечает Д. Морган [31], «создание» семьи необязательно должно происходить в позитивном ключе (как можно видеть ниже).

Я чувствовала негодование, исходящее от дамы, стоявшей рядом со мной (у меня было четкое чувство, что она не хочет быть там, но была «делегирована» семьей в качестве единственного доступного представителя). (H1745, женщина, 59 лет)

Когда корреспонденты высказывали критику в адрес членов семьи в связи с их неявкой, замечания, по-видимому, сводились к тому, что ожидаемой демонстрации семейности на самом деле не произошло.

Мои племянники-близнецы (в возрасте 31 года на тот момент) не появились на похоронах бабушки, что, я думаю, тоже выглядело очень неправильно. (O3436, женщина, 56 лет)

Две двоюродные сестры, оказывается, «были слишком заняты», чтобы прийти, что не впечатлило мать Грэхэма. (P2957, женщина, 41 год)

В этих примерах речь идет не только о критике со стороны членов семьи, но и о критике от корреспондентов, описывающих мероприятие. Как правило, только корреспонденты, будучи родственниками, могли сказать, действительно ли все, кто «должен был» присутствовать на семейных похоронах, были там, и могли оценить обоснованность представленного оправдания [18]. Однако другие скорбящие могли также ожидать, что семья продемонстрирует свою связь с умершим посредством присутствия.

Было очевидно, что родственников не было, кроме меня. Я слышала бормотание, что моего брата нет. (M3476, женщина, 55 лет)

Таким образом, как сами члены семьи, так и другие скорбящие возлагали надежды на то, что эта связь будет реализована и продемонстрирована семьей. В то же время родственники, которые решили не присутствовать, по-видимому, отдали предпочтение личным чувствам, а не демонстрации единства семьи.

Но скорбящие ожидают увидеть демонстрацию *не только* семьи.

В общем и целом, это были «хорошие» похороны — все ее родные и друзья были там. (W3730, женщина, 43 года)

Тем не менее в основном разрешение на посещение и неодобрение отсутствия были направлены на родственников умершего, что отмечает важность демонстрации семьи на похоронах [25].

Несмотря на то что, как мы знаем, в других контекстах семья и горе имеют гендерную окраску, дифференциация, отраженная в ответах М-О, происходит не на мужчин и женщин, а скорее на «семью» и «не семью».

Посещение чаепития. Присоединиться ли к автомобильной процессии (с большей вероятностью на похороны, а не на кремацию) и остаться ли на похоронах после панихиды — на эти вопросы некоторые корреспонденты отвечают для себя в рамках того, воспринимают ли они себя как семью. В «директиве» задавался вопрос непосредственно о посещении чаепития после похорон. При этом многие корреспонденты отвечали на него, различая семью и не семью. Распространенными оказались представления о нежелании вмешиваться в процесс (похорон), что, вероятно, отражало характер среднего класса южной Англии.

...несмотря на то что семья позвала всех собравшихся в церкви после этого пройти в буфет, мы не хотели вмешиваться, так что мы пошли в бар и выпили пинту пива. (P2957, женщина, 41 год)

Я не пошла на поминки отчасти из-за собственной трусости, отчасти из-за того, что семье не нужен еще один повод для беспокойства, гость, которого нужно было бы поблагодарить за то, что он пришел, утешить и так далее. (A3434, женщина, 45 лет)

Корреспонденты действительно писали об отказе вмешиваться в других контекстах, включая отказ от посещения похорон тех, кого они не знали, и о предпочтении располагаться в дальней части зала. Тем не менее чаще всего о вмешательстве писали в контексте (не)посещения именно чаепития. О чем это говорит?

О похоронных чайных церемониях в Великобритании написано еще меньше, чем о самих похоронах, но для прояснения точек зрения других культур можно обратиться к работам К. Канна [6], Р. Грейнджера [23] и Л. Йодера [45]. Неизвестно, как часто скорбящим даются указания по поводу присутствия на чаепитии, но когда корреспонденты упоминают о таковых, в них всегда содержится приглашение, а не запрет на присутствие. Это контрастирует с четкими указаниями по поводу цветов: «Только члены семьи приносят цветы», — чтобы отделить семью от не семьи. Как видно из ответа P2957, даже если у скорбящих есть желание совместного времяпрепровождения, наличия приглашения не всегда достаточно для изменения их мнения по поводу неуместности посещения чаепития.

С точки зрения разделения скорби и поддержки семьи это может быть достойно сожаления. Т. О'Рурк и др. [31] отмечают, что наиболее ценимой частью американских похорон является не формальный ритуал, а неформальное взаимодействие между семьей и теми, кто знал умершего. Обычно это происходит на поминках перед похоронами, где ожидается большое количество присутствующих. В Великобритании это происходит во время чайной церемонии. Большинство корреспондентов М-О полагали, что их присутствие размывает семейные и несемейные границы и подрывает поддержку. Это заметно сокращает возможность нечленов семьи делиться с семьей историями об умершем, что является, пожалуй, значимой частью оплакивания умершего.

Демонстрация (displaying) любящей семьи

Факта присутствия членов семьи не всегда достаточно для ее демонстрации. Корреспонденты акцентируют внимание на демонстрации «правильной», «нормальной» или «хорошей» семьи и общих норм, касающихся этих проявлений [33], согласно Д. Финч [17, с. 70], чтобы «передать сообщение “это моя семья, и она нормальная”» [курсив Д. Финч. — Прим. перев.]. Поскольку исходя из ожиданий похороны должны быть персонализированы [28], может возникнуть конфликт между демонстрацией идеальной семьи (обеспечивающей счастливую жизнь — *lived by*) и той, в которой человек действительно живет (*lived in*) [22]. Так какую из этих семей, по мнению корреспондентов, необходимо демонстрировать на похоронах?

По данным исследований, формы семьи, не являющиеся общепринятыми, требуют наибольшей публичной демонстрации [1; 20; 44]. Однако только один корреспондент подтвердил это отноше-

ние к семейности. Он назвал похороны «веселыми» и указал как на стандартную семейную похоронную практику (выступления на похоронах), так и на общепринятую семейную традицию (быть вместе на протяжении многих лет). Более значимыми в ответах корреспондентов о демонстрации «правильной» семьи на похоронах являются ожидания, касающиеся *качества семейных отношений*. В следующем ответе описывается попытка матери потребовать от своей дочери определенной демонстрации семейности, или, точнее, настоять на том, чтобы *не* допустить разрушительной (для образа семьи) демонстрации.

Еще одними самыми худшими похоронами были похороны моего деда по материнской линии. Ему был 91, когда он умер в 2002 году в доме престарелых, но я не общалась с ним с 1985 года, потому что он домогался меня, моей сестры и моей матери с самого детства... Мои мать и сестра до сих пор находятся на разных стадиях отрицания этого... Моя мать сказала мне не приходить на похороны, если я собираюсь «вести себя отвратительно», чего я не поняла, но это меня все равно оскорбило... (P2957, женщина, 41 год)

Подразумеваемая «аудитория» для этой демонстрации — другие члены семьи, скорбящие или только мать — неизвестна, но дочь определенно почувствовала давление, чтобы сотрудничать с матерью в изображении «счастливой» семьи. Демонстрация семейного единства может быть важна не только для родственников умершего, но и для остальных скорбящих.

Основное чувство, которое у меня было на похоронах, — это некое ощущение празднования прожитой жизни, но при этом не хватало искренней, яркой, простой любви и близости. Из разговоров с К. и ее дочерью у нас сложилось впечатление, что между ними не было очень сильной близости и любви, а были, скорее, необходимость и желание сделать «правильно»... Все было немного плоским и безэмоциональным. (H1745, женщина, 59 лет, соседка умершего)

Таким образом, видим, что корреспонденты, как причисляющие, так и не причисляющие себя к семье, разделяют представления о том, как «хорошая» семья выглядит на похоронах. Во-первых, правильные члены семьи должны присутствовать независимо от того, хотят они этого или нет, скорбят они по умершему или нет; отсутствующие члены семьи порицаются. Во-вторых, между присутствующими членами семьи должны быть продемонстрированы гармония и привязанность.

Переживание

Согласно ожиданиям скорбящих, семья может быть определена не только через посещение похорон или определенную рассадку (присутствующих), но и через эмоции и способы их выражения. Для Р. Коллинза стратифицирующая функция обрядов, отделяющая ин-

сайдеров от аутсайдеров, строится на эмоциях: «опыт повышенного взаимного осознания и эмоционального возбуждения порождает групповые символы, маркеры групповой идентичности» [10, с. 36]. Несомненно, по данным М-О, демонстрация эмоций и внутреннее чувство реализуют семейное членство. Теперь последовательно рассмотрим каждый из этих компонентов.

Демонстрация правил. В приведенной ниже цитате корреспондента проявляется то, как по-разному на похоронах «создается» семья ее бойфренда и ее собственная:

Это были похороны бабушки моего парня... После церемонии в церкви мы поехали на машине на кладбище. Это был единственный раз, когда я видела, как мама моего парня плачет. Никто особо не говорил друг с другом... Я думала о том, что если бы это были похороны моей бабушки, то я была бы очень-очень грустной, и моя мама была бы очень вовлечена, и все разговаривали бы друг с другом. (J4505, женщина, 28 лет)

Еще один корреспондент продемонстрировал «заданность» (“givenness”) семейных практик, объясняя, что даже похороны (она описывала похороны тети) не являются причиной отклонения от того, как ее семья «создает» проявление эмоций.

Затем люди с каждого ряда подходили к гробу, чтобы попрощаться, что для меня оказалось очень сложным. Я не могла смотреть на гроб или на кого-либо и просто уставилась в пол. Я не хотела начинать плакать при всех, потому что никто не плакал. Мы не такая семья, которая показывает чувства какого-либо рода. Было бы неловко, если бы они увидели, как я плачу. (W3994, женщина, 38 лет)

Выражение эмоций также может быть элементом демонстрации, и опять же его отсутствие заметно аудитории.

Мы с моим мужем были в слезах, но странным образом оказалось то, что его сестра выглядела расслабленной и безразличной. Она не проявляла никаких эмоций. (R4365, женщина, 29 лет, описывая похороны деда ее мужа)

Этот автор оценивает, как скорбящие выражают связь с умершим через проявление эмоций. Она сравнивает сестру своего супруга, которая не плакала, с собственным мужем, который, наоборот, плакал, то есть именно муж вписывается в общепринятую норму. Не уточняется, что это за норма, но можно предположить, что это имеет отношение к культурным представлениям о том, что близкие эмоциональные отношения являются основой «правильных», «нормальных» и «хороших» семей.

Демонстрация норм варьирует от семьи к семье и является одним из способов того, как члены семьи создают свою семью. Но в условиях

эмоциональной напряженности и публичности, которые присутствуют на похоронах, это может быть достаточно сложно и является настоящей эмоциональной работой [26]. Она заметна как членам собственной семьи, так и членам других семей, которые придерживаются иных способов демонстрации норм.

Я помню, как очень старался держать себя в руках, так как все остальные делали то же самое, и было бы неуместно не следовать их примеру. (R4695, мужчина, 46 лет)

В интервью Д. Хоккей [27] с представителями духовенства говорилось об их действиях по управлению эмоциональными выражениями: контролировать и при необходимости поощрять проявление эмоций скорбящих на похоронах. Однако, по данным М-О, признанным ориентиром того, какое эмоциональное поведение считается приемлемым, являются не служители церкви или общепринятые культурные нормы, а именно семья умершего. Но могут возникнуть проблемы, если семьи умершего и корреспондента придерживаются несовместимых норм.

Чувство семьи. Скорбящие не только демонстрируют семью через публичное выражение эмоций, они также могут переживать их, и эти чувства играют ключевую роль в их описаниях.

Я думаю, весь тот день был пронизан глубокой печалью потому, что большая семья из семи человек сократилась до одной старой женщины (меня). Когда мне сообщили по телефону, что мой брат умер, я внезапно почувствовала себя одиноко. Эта большая ссорящаяся группа людей, которую ты всегда знал, исчезла. Моя любимая семья, конечно, сплотилась вокруг меня, поддержала меня, но теперь ты всегда видишь постаревшие лица — школьный знакомый, все еще узнаваемый, появляется в поле зрения! Но оставаться последней полезно. (F1560, женщина, 89 лет)

Этот корреспондент описывает, что это такое — потерять семью. Выражением «чувство семьи» мы хотим привлечь внимание именно к тому, что на похоронах другие скорбящие осознают это. Они осознают внутреннюю направленность семейных отношений [20] наравне с внешними проявлениями. Корреспонденты рассматривали утрату семьи с определенными последствиями, чтобы сохранить (ее) определенное качество, не всегда означающее утрату других отношений.

Мне жаль взрослых детей умершего, они будут сильно по нему скучать. (D826, женщина, 60 лет)

У нее остались муж и двое сыновей примерно десяти и двенадцати лет. Очень трогательно было видеть их там... Это была грусть от осознания того, что ее дети вырастут без такой потрясающей

женщины рядом. Она обожала своих детей, и именно боль от этого делала нахождение там таким тяжелым. (J2891, женщина, 46 лет)

Мне также было очень жаль, что мать умершего дожила до момента смерти своего сына. (B4672, женщина, 29 лет)

Корреспонденты, включая тех, кто был членом расширенной семьи, сопоставляли собственную печаль с чувствами близких родственников умершего, сочувствуя им больше, чем самим себе.

...моя тетя сыграла значительную роль в моей жизни, так что мне было грустно. Но еще я чувствовал печаль по поводу моего овдовевшего 91-летнего дяди, который должен был пережить окончание своего 64-летнего брака. (C3603, мужчина, 67 лет)

Когда корреспонденты выражали сочувствие нечленам семьи, они все равно указывали именно на семейную потерю.

Самыми грустными похоронами, на которых я был, оказались похороны моей двоюродной сестры — она умерла в 35 лет, оставив двоих детей, которым не было и десяти. И было печально не только с личной и семейной позиции, также тяжело было видеть горе на лицах ее друзей. (S4429, мужчина, 43 года)

Корреспонденты больше всего жалели членов нуклеарной семьи, совместно проживавших с умершим. Это естественное положение, но оно является решающим для понимания авторитетности, которой обладает семья для скорбящих на похоронах. Так как, по словам Д. Моргана, «любое описание семьи, которое исключает эмоции, будет неполным» [30, с. 123].

В отличие от близких родственников, которые, по их собственному мнению, должны следовать нормам демонстрации или придерживаться наблюдавшихся ими вариаций поведения различных семей, корреспонденты не писали о чувствах семьи, как подчиняющихся определенным правилам, тем более что они должны были бы выполнять внутреннюю работу, чтобы испытать эти чувства [26]. Скорее в своих высказываниях они описывали чувства, направленные на конструирование семьи, которые вызывались ритуальной обстановкой. Возможно, корреспонденты также вербализовали «чувство семьи» в неформальном социальном взаимодействии на похоронах или после них, однако они об этом не заявляют.

Э. Дюркгейм, М. Блок, Д. Дэвис [11] и Р. Коллинз писали об эмоциональной энергии, производимой во время обрядов, и о том, как эту энергию участники могут использовать при конструировании общества. Конечно, корреспонденты, которые не были близкими родственниками семье умершего, использовали эту эмоциональную энергию, чтобы почувствовать и сконструировать семью. Возможно, хотя у нас нет подтверждающих это данных, некоторые скорбящие,

особенно главные из них, воспринимают похороны как эмоциональное истощение.

Обсуждение результатов

Тенденция, прослеживаемая в науке и, возможно, в обществе, заключается в текучем (*fluid*) и персонализированном понимании как семьи, так и горя. Тем не менее данные нашего исследования противоречат этому тренду: британские корреспонденты отдают предпочтение структурированному, а не текучему восприятию семьи и горя. Помимо объединения всех, кто знал, уважал и заботился об умершем, похороны дифференцируют семью и не семью. Все гости, а не только члены семьи, производили и воспроизводили культурные конструкты семьи. Каждый участник похорон был «вместе с другими» не в дюркгеймовском представлении механической солидарности, а в совместной демонстрации эмоций и определении с их помощью, кто является или не является семьей, способами, которые — по крайней мере, для участников М-О — были достаточно общепринятыми. Похороны демонстрируют в большей мере стратификацию, чем солидарность, или, если точнее, стратифицированную солидарность. В социальном порядке, установленном на английских похоронах, социальная дифференциация представляется более важной, чем выражение личной привязанности к умершему или интенсивности горя. Попытки демонстрации привязанности или отчужденности, несоразмерные формальным отношениям, являются потенциально проблематичными.

Обозначая различия, лежащие в основе своих чувств, корреспонденты опирались на определенное понимание семьи, понимание, которое, по-видимому, не сильно варьировалось, если изменялось вообще. Для корреспондентов «семья» в контексте похорон представляла собой структуру из кровнородственных и супружеских отношений, склонных скорее к устойчивости, чем к текучести (*fluidity*) [16; 21]. Иначе говоря, корреспонденты опирались на общепринятое и нормативное [35] понимание семьи. Понятия, отклоняющиеся от общепринятого представления о семье, — такие, как семьи по выбору [44], «личные сообщества» [32], «культуры близости» [37] или бесправное горе [12] — в полученных ответах отсутствовали.

Почему так получилось? Мы приведем три возможных объяснения: методологическое, демографическое и символическое. Во-первых, выборка была смещена в сторону белых пожилых женщин среднего класса — тех, кто с большей вероятностью придерживается традиционных представлений о семье и горе.

Во-вторых, концепт «семей по выбору» был изначально разработан в рамках негетеросексуальных отношений, которые недостаточно отображены в данных М-О. Возможно, имеет место эффект когорты; уровень разводов в Великобритании существенно не повышался до

1970-х гг., а гомосексуальные отношения часто держались в секрете гораздо позже. С учетом того что половина разводов происходит в течение первых десяти лет брака, а также с учетом пожилого возраста большинства умерших может потребоваться одно или два десятилетия для того, чтобы иные формы личной жизни были в полной мере представлены на похоронах.

В-третьих, учитывая центральную роль символов рождаемости во многих незападных обрядах смерти, можем предположить, что корреспонденты фокусировались на общепринятом понимании семьи как единицы воспроизводства, помещающей умершего в непрерывный процесс, где смерть компенсируется рождением, а дети и внуки умершего являются символами новой жизни, которую не могут символизировать близкие друзья и коллеги. Данные М-О не подтверждают и не опровергают эту интерпретацию, хотя анекдотические истории, которые мы слышали о младших детях, которых не пускают на похороны, не подтверждают ее.

Согласно концепту бесправного горя акцент похорон на формальном родстве не только маргинализирует горе некоторых скорбящих, вызывая у них дистресс, но и означает провал таких похорон. Друзья, которые были рядом с умершим всю жизнь, но исключенные из похорон «только для семьи», присутствовали в нашем исследовании. Эти друзья чувствовали себя обманутыми, но ни один такой корреспондент не оспорил право семьи исключить их. Вопреки обширной литературе о бесправном горе, они принимали свое бесправие. Они смирились с тем, что похороны — это в основном демонстрация семьи, а не горя.

Заключение

В научной литературе игнорируется то, как западные похороны определяют семью. Это отражается в фокусировании психологов на горе, а не на семье. Но даже социологические и антропологические исследования о западных похоронах, которые, казалось бы, должны быть сосредоточены на семье и родстве, не делают этого. Авторы научной и некоторой массовой литературы утверждают, что современные западные похороны — это событие, направленное на выражение горя, совместное переживание скорби и/или объединение скорбящих в знак солидарности ради них самих или для поддержки семьи [19]. В проведенном Т. Уолтером анализе трендов в исследовании смерти [41] обсуждались меняющиеся авторитеты традиции, религии, профессионального опыта и личности, но игнорировался авторитет семьи. Напротив, корреспонденты описывали похороны, гораздо более побуждаясь традиционными проявлениями семьи, чем необузданным индивидуализмом.

Анализ похорон как символа групповой солидарности не выявил того, что современные похороны могут дифференцировать инсайдеров

и аутсайдеров, стратифицируя присутствующих на семью и не семью, тем самым (вос)производя правила, какие эмоции можно или нельзя демонстрировать. Но именно это отмечают корреспонденты, описывая правила проявления эмоций, основанные на такой дихотомии. Правила различаются в зависимости от группы, и, что удивительно, членство в этих группах не оспаривается, тогда как сама семейная классификация частично является результатом эмоций, возникших в процессе ритуала. Согласно Р. Коллинзу и, возможно, вопреки М. Дугласу [13], эта классификация не только является сугубо когнитивной, но и достигается через глубоко переживаемые эмоции. Проявление семьи на похоронах тесно переплетается с проявлением горя и чувством скорби, причем причинно-следственные связи существуют в обоих направлениях: восприятие «семьи» вызывает эмоции, а они, в свою очередь, определяют семью.

Корреспонденты демонстрируют свое понимание семьи при помощи того, что они пишут о горе, и конструируют собственный и чужой образы скорби в терминах семейных связей с умершим. В этом смысле семья превалирует над горем. Тот факт, что ни один корреспондент, не являющийся членом семьи, не пожаловался на то, что его горе оказалось маргинализированным, свидетельствует о том, что в нашем проекте корреспонденты довольствуются — по крайней мере в рамках похорон — правилами, согласно которым чувство горя отражает семейную связь, а не личную привязанность к умершему. Широко распространенное в американской танатологии [12] представление, что бесправное горе — это плохо при любых обстоятельствах, с ним нужно бороться, не разделяется нашими в основном пожилыми корреспондентами из среднего класса Великобритании. Они не описывают горе как неотъемлемое право, которое должно быть «признано» при любых обстоятельствах. Скорее они описывают похороны, на которых они присутствовали, где горе подтверждают формальные отношения с умершим [а не личная привязанность]. Вполне возможно, что представители менее стоических культур будут более непримиримы к бесправию горя. Вероятно также, что корреспонденты М-О могут критиковать бесправие горя в иных контекстах, помимо похорон.

Строго говоря, английские похороны не создают понимание семьи (*not accomplish family*), но его воплощает (*accomplish*) то, как похороны описывают корреспонденты. Если бы мы проводили интервью, то диалог корреспондента и интервьюера мог бы воплотить понимание семьи. Если бы мы наблюдали за похоронами, то могли бы истолковать наблюдаемое как создание семьи. В каждом случае встает вопрос: что именно воплощает семью — похороны или выбранная методология? В конце концов, появляется вопрос и о том, дадут ли другие методологии, такие как прямое наблюдение или интервью (будь то со скорбящими или с похоронным персоналом, который является квалифициро-

ваным наблюдателем за скорбящими), аналогичные интерпретации. Или же другие методологии просто приведут к выводу, что похороны связаны как с семьей, так и с горем без превалирования одного над другим и без *необходимости* артикулировать горе через связи кровного родства. Также возникает вопрос, какие данные будут получены при изучении других скорбящих в Великобритании или скорбящих в других западных обществах.

ЛИТЕРАТУРА⁴

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Уолтер Тони (Walter Tony) — социолог, профессор эмеритус, Университет Бата. Электронная почта: jaw34@bath.ac.uk

Бейли Тара (Bailey Tara) — в течение нескольких лет распорядитель похорон, затем исследователь в Университете Бата; в настоящее время буддистская монахиня.

Дата поступления: 01.09.2022.

SOTSIOLOGICHESKIY ZHURNAL = SOCIOLOGICAL JOURNAL. 2023.
VOL. 29. No. 1. P. 141–160. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.8

Research Article

TONY WALTER¹, TARA BAILEY¹

¹ University of Bath.

Claverton Down, BA2 7AY, UK.

HOW FUNERALS ACCOMPLISH FAMILY: FINDINGS FROM A MASS-OBSERVATION STUDY

Abstract. This article analyzes how potentially conflicting frames of grief and family operate in a number of English funerals. The data come from the 2010 Mass-Observation directive “Going to Funerals” which asked its panel of correspondents to write about the most recent funeral they attended. In their writings, grief is displayed through conventional conceptions of family. Drawing on Randall Collins, we show how the funeral divides mourners into family or nonfamily, with such differentiation occurring through outward display and internal feelings. The funerals described were more about a very traditional notion of family than about grief; family trumped grief, or at least provided the frame through which grief could be described. Funerals were portrayed as a distinct arena privileging family over fluid and varied personal attachments. They are described both in terms of the new sociology of personal life and through the concept of disenfranchised grief.

Keywords: funerals; family; grief; Mass-Observation directive; feeling.

Funding: Tara Bailey was funded by Economic and Social Research Council (ESRC) doctoral grant ES/I900306/1.

---

⁴ См. список References. — Прим. ред.

For citation: Walter, T., Bailey, T. How Funerals accomplish Family: Findings from a Mass-Observation Study. Transl. from Eng. by A.A. Zaitseva, Yu.A. Ivanova. *Sotsiologicheskij Zhurnal = Sociological Journal*. 2023. Vol. 29. No. 1. P. 141–160. DOI: 10.19181/socjour.2023.29.1.8

REFERENCES

1. Almack K. Display work. *Displaying families*. Ed. by E. Dermott, J. Seymour. Basingstoke, England: Palgrave Macmillan, 2011. P. 102–118. DOI: 10.1057/9780230314306_6
2. Aveline-Dubach N. *Invisible population: The place of the dead in East Asian megacities*. Lanham, MD: Lexington Books, 2012. 250 p.
3. Bloch M. *Death and the regeneration of life*. Ed. by J.K. Parry. Cambridge, England: Cambridge University Press, 1982. 248 p. DOI: 10.1017/CBO9780511607646
4. Bowman L. *The American funeral: A study in guilt, extravagance, and sublimity*. Westport, CT: Greenwood, 1959. 181 p.
5. Braun V. Using thematic analysis in psychology. Ed. by V. Clarke. *Qualitative Research in Psychology*. 2006. Vol. 3 (2). P. 77–101. DOI: 10.1191/1478088706qp063oa
6. Cann C. *Dying to eat: Cross-cultural perspectives on food, bereavement and afterlives*. Lexington: University Press of Kentucky, 2017. 208 p. DOI: 10.5810/kentucky/9780813174693.001.0001
7. Carsten J. *After kinship*. Cambridge: Cambridge University Press, 2004. 194 p.
8. Caswell G. Personalisation in Scottish funerals: Individualised ritual or relational process? *Mortality*. 2011. No. 16. P. 242–258. DOI: 10.1080/13576275.2011.586124
9. Clark D. *Between pulpit and pew: Folk religion in a North Yorkshire fishing village*. Cambridge: Cambridge University Press, 1982. 198 p.
10. Collins R. *Interaction ritual chains*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2004. 464 p.
11. Davies D.J. *Death, ritual and belief*. L.: Continuum, 2002. 272 p.
12. Doka K.J. *Disenfranchised grief: New directions, challenges, and strategies for practice*. Champaign, IL: Research Press, 2002. 451 p.
13. Douglas M. *Purity and danger*. L.: Routledge, 2002. 272 p. DOI: 10.4324/9780203361832
14. Durkheim E. *The elementary forms of the religious life*. L.: Unwin, 1915. 456 p.
15. Durkheim E. *The division of labour in society*. L.: Macmillan, 1933. 439 p.
16. Edwards R. The politics of concepts: Family and its putative replacements. Ed. by R.J. McCarthy, V. Gillies. *British Journal of Sociology*. 2012. No. 53. P. 730–746. DOI: 10.1111/j.1468-4446.2012.01434.x
17. Finch J. Displaying families. *Sociology*. 2007. No. 41. P. 65–81. DOI: 10.1177/0038038507072284
18. Finch J. *Negotiating family responsibilities*. Ed. by J. Mason. L.: Tavistock, 1993. 240 p.
19. Fulton R. The funeral in contemporary society. *Death and identity*. Ed. by R. Fulton, R. Bendiksen. Philadelphia, PA: Charles Press, 1994. P. 288–312.
20. Gabb J. Troubling displays: The affect of gender, sexuality and class. *Displaying families*. Ed. by E. Dermott, J. Seymour. Basingstoke, England: Palgrave Macmillan, 2011. P. 38–57. DOI: 10.1057/9780230314306_3
21. Gilding M. Reflexivity over and above convention: The new orthodoxy in the sociology of personal life, formerly sociology of the family. *British Journal of Sociology*. 2010. No. 61. P. 757–777. DOI: 10.1111/j.1468-4446.2010.01340.x
22. Gillis J.R. *A world of their own making: Myth, ritual, and the quest for family values*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1997. 336 p.
23. Grainger R. Let death be death: Lessons from the Irish wake. *Mortality*. 1998. No. 3. P. 129–141. DOI: 10.1080/713685896

24. Harper S. Behind closed doors? Corpses and mourners in American and English funeral premises. *The matter of death: Space, place and materiality*. Ed. by J. Hockey, C. Komaromy, K. Woodthrope. Basingstoke: Palgrave MacMillan, 2010. P. 100–116. DOI: 10.1057/9780230283060_7
25. Heapy B. Critical relational displays. *Displaying families*. Ed. by E. Dermott, J. Seymour. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. P. 19–37. DOI: 10.1057/9780230314306_2
26. Hochschild A. *The managed heart*. Berkeley, CA: University of California Press, 1993. 340 p.
27. Hockey J. The acceptable face of human grieving? *The Sociology of Death*. Ed. by D. Clark. Oxford: Blackwell, 1993. P. 129–148. DOI: 10.1111/j.1467-954X.1992.tb03390.x
28. Holloway M. Funerals aren't nice but it couldn't have been nicer. The makings of a good funeral / M. Holloway, S. Adamson, V. Argyrou, P. Draper, D. Mariau. *Mortality*. 2013. Vol. 18. P. 30–53. DOI: 10.1080/13576275.2012.755505
29. Howarth G. *Last Rites: The work of the modern funeral director*. Amityville, NY: Baywood, 1996. 232 p. DOI: 10.2190/LRT
30. Morgan D. *Family connections*. Cambridge, MA: Polity, 1996. 224 p.
31. O'Rourke T. The good funeral: Toward an understanding of funeral participation and satisfaction. T. O'Rourke, B.H. Sptizberg, A.F. Hannawa. *Death Studies*. 2011. Vol. 35. P. 729–750. DOI: 10.1080/07481187.2011.553309
32. Pahl R., Spencer L. Personal communities: Not simply families of “fate” or “choice”. *Current Sociology*. 2004. Vol. 52. Iss. 2. P. 199–221. DOI: 10.1177/0011392104041808
33. Pahl R., Spencer L. Family, friends and personal communities. *Journal of Family Theory & Review*. 2010. Vol. 2. P. 197–210. DOI: 10.1111/j.1756-2589.2010.00053.x
34. Pine V.R. *Caretaker of the dead: The American funeral director*. N.Y.: Irvington, 1975. 219 p.
35. Reimers E. Primary mourners and next-of-kin — How grief practices reiterate and subvert heterosexual norms. *Journal of Gender Studies*. 2011. Vol. 20. P. 251–262. DOI: 10.1080/09589236.2011.593324
36. Robson P., Walter T. Hierarchies of loss: A critique of disenfranchised grief. *OMEGA — Journal of Death and Dying*. 2012–2013. Vol. 66. P. 97–119. DOI: 10.2190/OM.66.2.a
37. Roseneil S., Budgeon S. Cultures of intimacy and care beyond “the family”: Personal life and social change in the early 21st century. *Current Sociology*. 2004. Vol. 52. Iss. 2. P. 135–159. DOI: 10.1177/0011392104041798
38. Sheridan D. Using the mass-observation archive. *Researching ageing and later life: The Practice of Social Gerontology*. Ed. by A. Jamieson, C.R. Victor. Buckingham: Open University Press, 2002. Pt. 5.
39. Smart C. *Personal life*. Cambridge: Polity Press, 2007. 232 p.
40. Szmigin I., Canning L. Sociological ambivalence and funeral consumption. *Sociology*. 2015. Vol. 49. P. 748–763. DOI: 10.1177/0038038514552008
41. Walter T. *The revival of death*. L.: Routledge, 1994. 240 p.
42. Walter T. A new model of grief: Bereavement and biography. *Mortality*. 1996. Vol. 1. P. 7–25. DOI: 10.1080/713685822
43. Walter T. Three ways to arrange a funeral: Mortuary variation in the modern West. *Mortality*. 2005. Vol. 10. P. 173–192. DOI: 10.1080/13576270500178369
44. Weeks J. *Same sex intimacies: Families of choice and other life experiments*. J. Weeks, B. Heaphy, C. Donovan. L.: Routledge, 2001. 256 p. DOI: 10.4324/9780203167168_Introduction
45. Yoder L. The funeral meal: A significant funerary ritual. *Journal of Religion and Health*. 1986. Vol. 25. P. 149–160. DOI: 10.1007/BF01533245

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Walter Tony — Professor Emeritus, Centre Death and Society, University of Bath.

Email: jaw34@bath.ac.uk

Bailey Tara — a funeral director for several years before undertaking doctoral research at the University of Bath. She is now a Buddhist monk.

Received: 01.09.2022.
